

УДК 34(091)

*С.И. Митина
Россия, Великий Новгород***УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Исследование посвящено анализу уголовно-правовой защиты культурных и исторических ценностей в период установления советской власти в Новгородской губернии. На примере изъятия государством церковных ценностей дается характеристика цели правового регулирования в сфере охраны памятников истории и культуры, раскрывается механизм закрепления государственной собственности в отношении церковного имущества. Дается оценка уровню нормативного закрепления юридической ответственности за преступные посягательства на культурные и исторические ценности.

Ключевые слова: право и культура, история законодательства о культуре, сохранение культурного наследия, имущество церкви, преступление против исторического и культурного наследия.

*S.I. Mitina
Russia, Veliky Novgorod***CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF CULTURAL AND HISTORICAL VALUES
DURING THE ESTABLISHMENT OF SOVIET POWER**

The study is devoted to the practice's analysis of criminal and legal protection of cultural and historical values during the establishment of Soviet power in Novgorod province. The example of the state's withdrawal of church values provides a description of the purpose of legal regulation in the field of protection of historical and cultural monuments, reveals the mechanism for securing state ownership over church property. An assessment is made of the level of the normative fixing of legal responsibility for criminal encroachments on cultural and historical values.

Key words: law and culture, history of the legislative of the culture, preservation of cultural heritage, church property, crime against historical and cultural heritage.

Уголовно-правовая защита культурных и исторических ценностей в период установления советской власти строилась в общем русле решения задач борьбы с контрреволюцией и укрепления господства диктатуры пролетариата. Условно можно разделить всю правоприменительную практику в данной сфере на два блока.

Первый включает уголовно-процессуальное обеспечение реализации Постановления ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» 23 февраля 1922 г. Второй блок – это практика правоохранительных органов в соответствии с Декретом СНК Союза СССР «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» 19.02.1924 г., Инструкцией ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» 07.07.1924 г. [4; 5; 9].

Практика изъятия церковных ценностей на первый взгляд носила чисто политический и идеологический характер. Однако не следует забывать, что выстраивалась она на основе норм уголовного законодательства. В этот период производство в рамках уголовного процесса на местах (в губерниях) осуществлялось сразу двумя органами: губернскими революционными трибуналами и губернскими советами народных судей (губсовнарсудами). Любое противодействие изъятию церковных ценностей рассматривалось как

особо тяжкое преступление и находилось в юрисдикции революционных трибуналов (органов не столько юридических, сколько политических).

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР был принят в 25 мая 1922 г. Как раз накануне принятия кодекса Новгородским губернским революционным трибуналом был вынесен приговор по делу о кровавых беспорядках 16 марта 1922 г. в связи с изъятием церковных ценностей в г. Старая Русса. «Красный пахарь» (печатный орган Старорусского и Демянского уисполкомов и уездкомов РКП (б)) с 23 по 30 мая 1922 г. публиковал материалы о ходе работы трибунала и вынесенном приговоре [7].

«Кровавые беспорядки» возникли на почве противостояния местного населения советской политике изъятия церковных ценностей. Комментируя эти события, М.Н. Петров отмечает, что «расправа под прикрытием суда» готовилась еще за месяц до начала изъятия ценностей: была задана категория обвиняемых, установлен срок следствия (до 10 дней), определен характер процесса (политический, как по особо опасному государственному преступлению) [8, с. 117]. Заметим, что в изложенных в прессе материалах (протокол судебного заседания, приговор) нет четкого определения характера рассматриваемого дела. Оценка действий подсудимых варьировалась от стандартно уголовного обвинения до политического. В результате появилось всеохватывающее определение: уголовно-политическое дело: «Здесь контрреволюция, а не просто уголовное преступление» [7, № 42, с. 3]. Государственному политическому управлению несложно было предусмотреть, что выражение протеста населением будет сопровождаться стихийными столкновениями, насилием. Это давало повод апеллировать к уголовному законодательству.

Таким образом заранее было понятно, что речь пойдет об уголовном преступлении. Оставалось квалифицировать состав с точки зрения политической направленности, как контрреволюционный. В результате 12 мая 1922 г. «именем РСФСР Новгородский Губернский революционный Трибунал по военному отделению в выездной сессии в городе Старой Руссе, в составе: председателя трибунала Куприянова, членов Курдова и Ефимова, заслушав дело о старорусских беспорядках, имевших место 15 и 16 марта 1922 г. и агитации среди населения города и уезда против декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей», приговорил 3 человек (священника Успенской церкви г. Старой Руссы Владимира Ивановича Орлова, священника Духовской церкви г. Старой Руссы Владимира Александровича Пылаева и крестьянина Назара Максимовича Смыслова) к расстрелу; 13 человек – к лишению свободы от года до пяти лет, 2 – к условному лишению свободы. Кроме того, на основании декрета СНК РСФСР от 05.05.1921. «Об ограничении прав по судебным приговорам» всех осужденных к лишению свободы настоящим приговором считать по суду опороченными и лишить их права избирать и быть избранными в Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а равно и занимать какие бы то ни было должности как по выбору, так и по назначению в советских и общественных учреждениях на те же сроки [7, № 44].

Старорусские события в масштабах России были одним из 1400 случаев за первое полугодие 1922 г. открытого противостояния власти в ходе изъятия церковных ценностей, повлекших 231 судебный процесс.

В.Д. Дармаева обращает внимание, что в соответствии с декретом № 1 «О суде» от 24 ноября 1917 г. предварительное следствие стало производиться самими судьями, либо следственными комиссиями при Советах или ревтрибуналах. По Положению о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. следователь был наделен правом самостоятельно принимать решения о возбуждении уголовного дела, проводить следственные действия, избрать меру пресечения, а надзор за расследованием уголовных дел осуществляли местные народные суды, революционные трибуналы, коллегии обвинителей, руководители следственных комиссий, комиссары юстиции и местные Советы [3, с. 30]. Таким образом, революционные трибуналы полноправно решали судьбу людей и культурного наследия страны.

Д.В. Глухов уточняет, что еще до смены политического режима в России в 1917 г. российское уголовное судопроизводство знало достаточно широкую систему упрощенных производств, подразумевающих особый порядок судебного разбирательства. Советский уголовный процесс также имел практически идентичные особому порядку институты [1, с. 13]. Это давало возможность советской юстиции оперативно решать вопросы закрепления государственной собственности в отношении церковного имущества.

Политический характер приговора подчеркивается постановлением Трибунала: «Трибунал на основании происшедшего процесса, в котором видно преступное влияние деятельности патриарха Тихона, митрополита Арсения и епископа Дмитрия, вносит в Верховный Трибунал Республики пожелание привлечь названных князей церкви к уголовной ответственности» [7, № 44]. Стоит также обратить внимание на характеристику обвиняемых, данную в материалах «Красного пахаря»: «Священник Пылаев – человек смелый, искренний, – облегчил ход следствия, так как его показания не разнятся с показаниями свидетелей. Но этими же прекрасными чертами своего характера он нанес громадный вред власти» [7, № 42, с. 3]. То есть в лице автора публикации в официальном советском издании революционная власть признавала человеческие достоинства своих оппонентов в борьбе за право собственности на культурные и исторические ценности.

После массового изъятия культурных и исторических ценностей у бывших владельцев «криминальные покушения» на «остатки», прежде всего, церковного имущества не ослабли. Вызвано это было разгулом преступности в годы гражданской войны и бедственным положением основной массы населения. Церковь оказалась наиболее уязвимой для криминального элемента, как утратившая покровительство, а вместе с ним и должную защиту со стороны государства. Так, 16 августа 1919 г. Отделом по проведению в жизнь Декрета об отделении церкви от государства в Судебно-следственный подотдел Новгубисполкома был направлен официальный запрос предоставить информацию: в каком суде и когда слушалось дело о нападении на Сковородский монастырь 6 сентября 1918 г. [2, Р. 1559. Оп. 1/1. Д. 7. Л. 364].

По показаниям архимандрита Никодима (сверка украденных вещей проводилась по инвентарным номерам монастырской описи) следовало, что злоумышленниками из ризницы монастыря похищены 11 наперстных серебряных крестов, 7 драгоценных митр, 1 Евангелие. Из келий притча – наперстный золотой крест с цепочкой, часы накладного золота [2, Р. 1559. Оп. 1/1. Д. 7. Л. 365–365 об.]. Очевидно, что украденное и так составляло «жалкие остатки» от прежнего содержания ризницы. В ходе «внутреннего расследования» прибывший на место преступления 6 сентября архимандрит Никодим выяснил, что ночью пять вооруженных «личностей» ворвались в монастырь (предположительно, проникнув через входные ворота скотного двора, сломав пробойницу, на которой висел замок). Схватив сторожа, потребовали показать покои настоятеля и келью келейника. При этом вооруженные люди заявили, что действуют от имени советской власти. Взломав дверь в покои игумена, потребовали денег. Игумен передал им деньги, имевшиеся в келье. После этого «вооруженные лица», посадив под арест в подвал сторожа и келейника, отправились в келью казначея и ризничего, где, отобрав деньги, потребовали показать ризницу и монастырскую казну. Игумен под страхом «приставленного оружия» открыл ризницу и казнохранилище. Захватив наличные деньги, кресты, митры и Евангелие, вооруженные лица посадили «под арест» в подвал игумена, казначея и ризничего, подперев входную дверь колом. Спустя некоторое время, «арестованные» вышли самостоятельно из подвального помещения и, увидев, что в монастыре никого нет, ударили в набат. По распоряжению настоятеля монастыря в городскую милицию было отправлено «отношение для принятия к розыску похищенного» [2, Р. 1559. Оп. 1/1. Д. 7. Л. 365 об.].

К сожалению, в фонде Новгородского губернского совета Народных судей (Губсовнарсуда) не сохранилось документов, позволяющих прояснить последующий ход дела. Однако очевидно, что преступники активно использовали «особые политические обстоятельства», «подбирая остатки не изъятого церковного имущества». Именно в этот период состав преступлений против собственности оказался наиболее «размытым» в силу резкого изменения общественно-политической обстановки. Имущественные права церкви потеряли юридическую определенность и оказались наиболее незащищенными, чем активно пользовались преступники. Культурные ценности, на которые ранее распространялись имущественные права церкви, советской властью априори рассматривались как объект государственной собственности. Преступники же, руководствуясь идеями анархии, спешили воспользоваться неустойчивостью правопорядка, слабостью революционной законности.

Архивные фонды по Административному отделу Новгородского окрисполкома (окружного административного отдела) за 1923–1930 гг. содержат суточные рапорты начальника II отдела Угрозыска начальнику Новгородского окрадминотдела, заявления о кражах, протоколы осмотров мест преступлений. Из документов очевидно крайне тяжелое положение с сохранностью церковного имущества. Так, только к 1928 г. относится 15 документальных свидетельств о подобных преступлениях. Дважды за год (с интервалом в 1,5 месяца) были

совершены кражи в католическом костеле Новгорода. В ряду пострадавших культовых учреждений в рапортах значатся Антониев, Юрьев и Десятинный монастыри, одна часовня, девять церквей в самом Новгороде и в ближайшей округе. Только одна кража культурных ценностей за этот период приходится на государственное учреждение, Историко-археологический музей. Вор поднялся по водосточной трубе на третий этаж здания, выбил стекло, а затем снова спустился вниз, где и был задержан [2, Р. 819. Оп. 4. Д. 286. Л. 148]. Очевидно, что преступником был несовершеннолетний, так же, как и в случае кражи со взломом замка в часовне на Баяновой улице и из Молотковской церкви. В последнем случае воры проникли в церковь через окно в паперти [2, Р. 819. Оп. 4. Д. 286. Л. 97, 142]. Налицо последствия гражданской войны, роста числа беспризорников, обнищания населения. Угрозыском в ходе розыскных мероприятий были проведены проверки притонов, ночлежек, конного рынка, вокзала.

Л.Р. Клебанов обращает внимание, что из всех статей особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. лишь ст. 188 «содержала состав преступления, посягающий на отношения, связанные именно с оборотом культурных ценностей. Уголовная ответственность наступала за сокрытие коллекций и памятников старины и искусства, подлежащих регистрации, учету или передаче в государственные хранилища» [6, с. 101]. Следовательно, уголовное законодательство было нацелено на решение задачи тотального изъятия ценных предметов у бывших собственников. Что касается иных преступлений, «предметами которых выступали культурные ценности», ответственность за них наступала по ст. 162 (хищение путем кражи), ст. 165 (грабеж), ст. 169 (разбой). Специальные составы не выделялись законодателем, и дифференциации ответственности с учетом особой исторической или художественной ценности предмета не проводилось.

Это лишний раз свидетельствует об исключительно политизированном подходе советской власти к охране культурного наследия.

-
1. Глухов Д.В. Исторические предпосылки возникновения института особого порядка судебного разбирательства в России // История государства и права. 2009. № 11. С. 11–15.
 2. Государственный архив Новгородской области (ГАО). Р. 819. Оп. 4. Д. 286; Р. 1559. Оп. 1/1. Д. 7.
 3. Дармаева В.Д. История становления и развития предварительного следствия // История государства и права. 2007. № 7. С. 30–31.
 4. Декрет СНК Союза СССР «О специальных средствах для обеспечения государственной охраны культурных ценностей» 19.02.1924 г. // СУ. 1924. № 34.
 5. Инструкция ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» 07.07.1924 г. // СУ. 1924. № 65. С. 654.
 6. Клебанов Л.Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
 7. «Красный пахарь» (печатный орган Старорусского и Демянского уисполкомов и уездкомов РКП (б)) 23 мая 1922 г. № 42; 27 мая 1922 г. № 43; 30 мая 1922 г. № 44.
 8. Петров М.Н. Крест под молотом. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000.
 9. Постановление ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» 23 февраля 1922 года. URL: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2014).